

И

ЭТОТ ответ звучит так весомо, как только может быть произнесен человеком, всю жизнь занимавшимся важными бумагами какого-нибудь «горстройпротреста», имеющим кругозор, ограниченный квартальным отчетом, и о всяких пустяках понятия не имеющим. И девушки отходят. И уже сами недоумевают, как это им померещился Ронинсон в этом нескладном крючковатом, обнимающем портфель размером с небольшой чемодан.

Такой эпизод, случившийся с ним по пути к месту нашей встречи, мне показывает в лицах Готтлиб Михайлович Ронинсон. И я, на минуту забывший, что в комнате со мной не один человек, а, как мне показалось, трое, не в силах удержаться от смеха и аплодисментов. А он, исполнитель маленького спектакля перед единственным зрителем, усаживается в глубокое кресло, хитро улыбаясь, открывает свой «бухгалтерский» саквояж и извлекает из него груды бумаг разного формата и обличья.

— Я никогда и никому не показывал этого. Верите?.. Ведь любой человек собирает какие-то письма, телеграммы, записки, старые документы, которые уже никогда, конечно, не пригодятся... Билеты, по которым никуда не пойдешь. О многом уже забываешь, что к чему... А потом, глядь, а в дальнем ящике стола уже вся твоя жизнь. Складывается из всего этого, как из мозаики, образ человека... Ну, например, что вот это такое? Не вижу без очков...

Он протягивает пожелтевший газетный листок, и я наугад читаю из самой середины, проглатывая все режущие слух странности стиля: «...Узнавая товарища Горького среди стоящих на балконе, проходящие колонны бросаю ему вверх свои приветствия. Алексей Максимович непрерывно взволнованно машет рукой. Из московской колонны отделяется пионер Ронинсон, поднимается на балкон и жмет Горькому руку. Толпа, заливающая всю площадь, устраивает любимому писателю овацию. Взволнованный, он подходит к решетке балкона, обнимая Ронинсона за плечи. И, обращаясь к площади, говорит: «Ему, ему мы должны аплодировать!»

— Готтлиб Михайлович, может быть, вот так, призвав аплодировать вам, Горький косвенно напоролил вам актерскую судьбу?

— Ну уж если говорить о пророчествах, то я вспомнил бы другой случай...

Невысокий человек с бородкой зашел посмотреть — видно, заинтересовало! — как живет ребята в детском саду. Осмотрел помещение, заглянул в каждый угол. Все увидел. Какого-то мальчишку посадил на колени и, лукаво улыбаясь одними лишь глазами, а на вид серьезно, чем-то поинтересовался. Потом поговорил с другим о чем-то, столь же важным... А вот обратился и к маленькому Гоше Ронинсону: «Ну а ты кем хочешь стать?» — «Аггистом», — великолепно картавя, ответил тот. Взрослый гость расхохотался, поднял ребенка на руки и сказал: «Значит, будешь аггистом». Нет, он не передразнивал ребенка, просто так говорил. Это ведь Ленин зашел в детский сад, где воспитывался

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДЯДЯ ГОША!

Москва, ранняя зима, обычная слякоть. Пожилой гражданин в шапочке, которую у нас почему-то принято называть «тирольской», с объемистым портфелем стоит у запруженного перехода. Человек как человек. Так, ничего особо примечательного, не из тех, на кого оборачиваются на улице случайные встречные. Но что-то в нем все же есть! Иначе почему стоящая рядом девушка вдруг внимательно посмотрела на него, почти незаметно толкнула локтем подружку и нечто коротко шепнула ей в ухо. Они изучили гражданина вдвоем. Посовещались. Потом достали из модных сумочек открытки и решительно направились к объекту своего наблюдения.

— Простите, вы не дали бы нам автограф! Глаза гражданина сделались исключительно круглыми:

- Де-е-евушки, вы что!
- Но... Вы же — актер Ронинсон!
- Я! Нет, я старший бухгалтер.

сын известного революционера Ронинсона.

— Впрочем, — вздохнул актер, — я не помню Владимира Ильича. И эпизода этого не помню. Только мама с неизменным восторгом пересказывала его. Да, говорят, в книге «Час Ленина в школе» его описал Петерсон. Но если серьезно, то по-настоящему на сцену благословил Г. Ронинсона Михаил Булгаков.

Еще со школьных лет будущий актер пел в детском хоре Большого театра. Потом, уже повзрослевший, работал там же в мимическом ансамбле. Не бог весть какое веселое было время. Но зато как хороши, остроумны, почти свободны и независимы были праздничные капустники. Заразительный энтузиазм и явная страсть к профессии молодого человека понравились М. Булгакову, который выполнял тогда какую-то литературную работу в театре. Опальный писатель подарил восторженному юноше свой портрет с автографом. А как-то раз обратился с неожиданным предложением к Рубену Симонову: «Возьми Гошу в училище!» — Недоумение: «Как же я его возьму — он же картавит!» — Уверенность: «Он исправится. Гоша, ты же справишься?»

Сколько десятилетий прошло с тех пор? Разумеется, Гоша исправился, поступил в Щукинское училище, потом в Театре драмы и комедии на Таганке сыграл в десятках спектаклей, снялся во многих фильмах, стал народным артистом РСФСР...

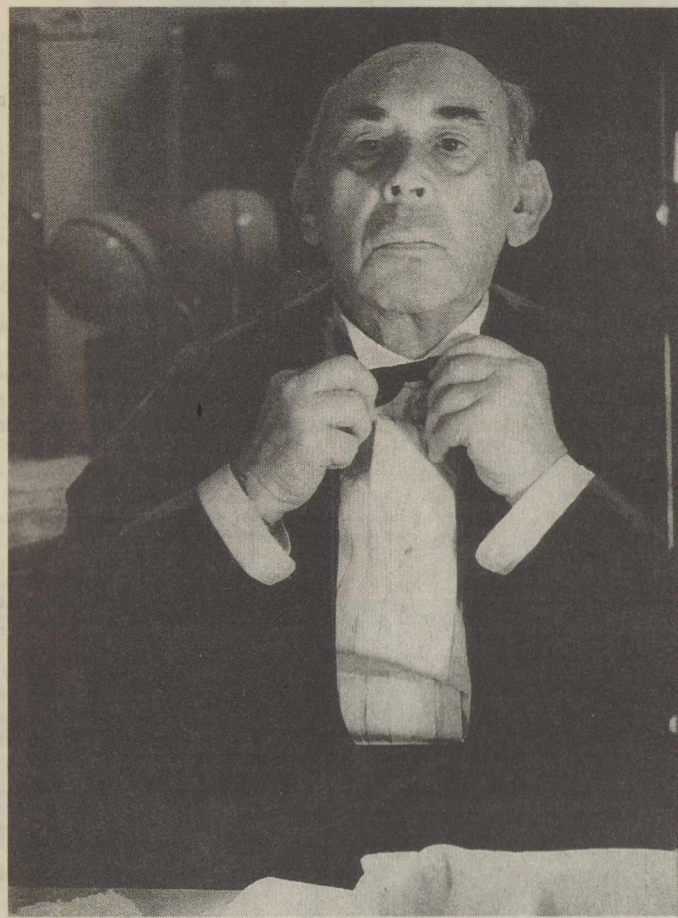
Актер Г. Ронинсон сочетает в себе два качества, которые теперь называют чуть ли не реликтивными. Ну, во-первых, он мастер эпизода. Двумя тремя репликами, жестами, выражением глаз умеет сказать о своем персонаже практически все. Коротенькая реакция на случайное обстоятельство — а мы уже хорошо представля-

ем, каким этот человек был прежде, как он прореагирует на дальнейшие события и даже как повел бы себя, сложись ситуация по-иному... В «Десяти днях, которые потрясли мир», Ронинсон играет восемь ролей! И в каждой он был новым человеком, ничуть не похожим на предыдущего.

— Есть актеры, что называется, «Я есмь», — говорит Ронинсон. — Они в любой роли остаются самими собой. И это видно. А есть актеры с даром перевоплощения. Наверное, можно назвать разные способы постижения этого дара. Но мне близок тот, о котором говорил величайший мастер перевоплощения М. Щепкин. Когда его спрашивали, как ему это удается, он отвечал, что просто хорошо знает жизнь, от лакейской до императорской...

В одном спектакле, который ставила Серафима Бирман, мне надо было сыграть роль пьяного. Так, коротенький эпизодик. (А надо сказать, я убежденный трезвенник и никогда не пил). Пробую играть. Чувствую — не получается. Качаюсь, спотыкаюсь, залипаюсь — не то. Вот уже и Бирман в раздражении: «Неужели вы не можете сделать такой ерунды?» ...Шатаюсь еще сильнее, заикаюсь, шепелявлю — нет, все не то. «Вы не актер! Вы не умеете делать элементарного! Я сплуну вас с роли!»

Поздно вечером я, понурый и разочарованный в себе, болтаюсь по Москве. Встречая пьяного, присматриваюсь к нему, но не вижу ничего, достойного внимания: те же заплетаются ноги. Ну и что? И я так могу. И вот в маленькой забегаловке в Сокольниках и вижу его. Он величествен, самоуверен, он повис на стойке, уставился в пространство и разговаривает с собой. Вот это был монолог! Почему-то, глядя на него, я вспомнил учение Павлова, рисунки про собак и простейшие рефлекс...



...Дальше снова разыгрывается маленькая сценка. Актер становится то раскрасневшимся Ронинсоном с туманным взглядом и невнятной речью, то вполне трезвым приятелем с застывшей в глазах насмешкой, то разгневанной Бирман.

Бирман. Вы должны были играть, а не напиваться. Вон отсюда, пьяная морда!

Ронинсон. (Своим обычным, совершенно трезвым голосом). Что, получилось?

(Общий смех).

В этом эпизоде — весь Ронинсон, с его любовью к профессии и к небольшим розыгрышам, с его стремлением к тому, чтобы вокруг не было скучных или расстроенных лиц, чтобы людям с ним было весело. И в этом — вторая сторона его актерского дарования. Он — комический актер. Не из тех, кто время от времени играет роли в этом жанре. И не из тех, кто, желая во что бы то ни стало насмешить, кривляется или юродствует, напирая на особенности произносимого текста. А по крупному счету. Чувство комического у него в крови. Он умеет любую, даже самую серьезную деталь или черту представить в комическом аспекте. Не осмеять, а просто предложить взглянуть по-другому. Таких актеров высокой пробы всегда можно было пересчитать по пальцам. Кто? — Раневская, Мартинсон, Гарин, Ильинский, Жаров, Зеленая, Прохожие, случайно встречая их на улице, начинали невольно улыбаться.

Коллеги в театре и обширный круг друзей называют Ронинсона «дядей Гошей». Но не на «ты». А почтительно-серьезно: «Здравствуйте, дядя Гоша». Так давние ученики, уже сами ставшие профессорами, называют своего бывшего наставника. Или другое сравнение. Помните, полотна фран-

цузских художников, где они изображали самих себя в компании с соседями? В приветствиях и жестах образованных обывателей чувствовалось искреннее почтение к мастерам кисти: «Здравствуйте, господин Курбе», «Здравствуйте, господин Гоген».

— Готтлиб Михайлович, вы работали в Театре драмы и комедии, когда он еще не звучал в нашем сознании просто, как «Таганка». Как вы вошли в принципиально новый коллектив, который пришел вместе с Ю. Любимовым? Ведь вы к тому времени были уже вполне сложившимся актером.

— Когда театр остался без главного режиссера, было несколько претендентов на это место. Однажды собрали совещание — решать вопрос. Только не спрашивайте меня, как это совещание называлось и какие начальники там были. Помню только, что очень важные. Пригласили и меня. И вот кто-то говорит, что есть предложение назначить главным режиссером Любимова. Если, мол, кто-то из присутствующих знает его — милости просим, высказывайте свое мнение. А я с моим любимым Любимовым учился почти одновременно в Щукинском. «Я и говорю, что, мол, спасибо, во-первых, что пригласили на такое важное собрание, хотя я не начальник и беспартийный. А что касается кандидатуры, то я считаю, что Юрий Петрович — великолепный актер, отличный режиссер, организатор и, безусловно, главным режиссером будет отличным. Хотя про себя хорошо понимал, что «Добрый человек из Сезуана» — это уже нечто совершенно иное, другая эстетическая система, в которую я могу и не вписаться. Я уже подыскал себе другое место, у Плучека, распрощался было со всеми. Но тут меня находит Любимов и говорит: Гошенька, что же ты меня покидаешь, останься. И я остался. И потом ни разу, ни на минуту не пожалел об этом...

Не могу не сказать, что мне всегда очень везло на людей, с которыми работал. Юрий Петрович Любимов, Николай Николаевич Губенко — я очень люблю этих людей, талантливых, честных. Очень благодарен Анатолию Васильевичу Эфросу за то, что дал мне возможность сыграть глубоко трагическую роль Фирса.

И еще одна деталь для нашего портрета. В. Высоцкий, который называл Ронинсона «сберкассой чужих исповедей и драм», посвятил ему такие строки:

Если болен морально ты
Или болен физически,
Захандрил эпохально ты
Или эпизодически —
Не ходи ты по частникам,
Не плати им ни грошика.
Иди к Гоше, несчастнейший,
Тебя вылечит Гошенька!

...Мы прощаемся. Ронинсон уходит. Прежде чем я теряю его из виду, успеваю заметить, что кто-то обратился к нему за автографом. А он покачивает на портфель, оглядывается и растерянно разводит руками. Интересно, какую сценку он разыграл сейчас, кем предстал? Заблудившимся в Москве командированным? Курьером? Человеком, у которого в портфеле бомба? Но — он актер и в любую минуту остается им.

С. БЕДНОВ.

● Г. Ронинсон.

Фото Б. Кремера.